

Неотразимый

Галина Смирнова

Алексею Гуськову, похоже, все мало. Мало того, что он известный и любимый артист, мужчина, стоящий самого пристального внимания, муж красавицы актрисы Лидии Вележевой и отец троих замечательных детей, он еще и преуспевающий бизнесмен – генеральный продюсер компании «Ф.А.Ф.». Мы встретились в его кабинете на киностудии Горького. Кабинет делового человека. И сам Гуськов – сдержанно-деловой.

— Алексей, как же началась ваша продюсерская деятельность?

— Я обратил внимание на то, что, когда людей спрашивают о том, что случилось много лет назад, они выдают некое клише, которое год от года все улучшается и упрощается. Придумывать не буду. В 92-м году я уже работал в кино. Вы помните то время: мы все переживали, что наше кино гибнет. И я много говорил об этом. И вот один из моих товарищей предложил: «Открой счет, мы тебе дадим денег, а там посмотрим». И мы с другом Сергеем Зерновым зарогались идеей снять фильм.

К тому моменту он уже ушел из театра, занимался бизнесом и, сталкиваясь с большими деньгами, понимал, что за них надо отвечать, а я еще очень инфантильно к этому отнесся. Я верил в прокат, верил, что хорошее кино себя окупит. Мы сделали фильм «Дорога в рай». Я думаю, что от дилетантизма, начитавшись умных книжек, мы сделали все правильно. В 94-м мы съездили с нашей картиной на Венецианский фестиваль. Кстати, продюсером картины был немец, и позже мы продали ее на немецкое телевидение за 160 тысяч немецких марок. А так как на производство мы затратили всего 135 тысяч долларов, то практически сразу вышли в ноль. Вот таким образом и была создана эта компания, появилась команда. Так я впервые прошел весь путь от одного машинописного листочка до создания картины. И из этого круга я уже выскочить не могу. Но иногда я по-прежнему просто актер: я очень люблю это прекрасное, ни к чему не обязывающее состояние, когда ты приезжаешь на съемочную площадку, гримируешься, пьешь чай-кофе,ходишь в кадр и в нем существуешь. И наплевать тебе на то, какая стоит погода, и о технике голова не болит.

— Как расшифровывается «Ф.А.Ф.»?

— Фабрика анимационных фильмов. Здесь создавался один из громких проектов прошлого десятилетия – «Незнайка на Луне». Тогда родился мой младший сын, и мне было очень важно и интересно осуществить этот проект. Это первый в России мультсериал и полнометражный мультфильм. Кассета с «Незнайкой» сегодня – в каждой российской семье, где есть дети.

С ним у нас связаны и большие радости, и неприятности, даже суды. С этим проектом мы первые в России защищали товарный знак и получали патент на персонаж. Я вообще очень многое делал первым. Помню, того же «Незнайку» как только не прикладывали. Чуть ли не матом. А почему? Потому что «мы – нация Достоевского и Толстого, а это – низкий жанр»... Я думаю, если когда-нибудь вскроют мою черепушку, то выяснится, что у меня был какой-нибудь микроинсулт, который я получил на «Незнайке на Луне», на этом безобидном детском фильме. Я приходил на работу в 9 утра, а уходил в 11 ночи. Кстати, те три года я вообще не снимался.

— Вас так изменило рождение сына или это было связано с разочарованием в актерской профессии?

— Ну, во-первых, я абсолютно уверен в том, что люди меняются. Нас меняют и обстоятельства, и мы сами можем измениться. Вы просыпаетесь утром, заглядываете в еженедельник, где записано, что нужно сделать первое, второе, третье. И не всегда с радостью, но все эти де-

нял определенный заказ: снять боевик о России, но ничего общего с российской действительностью не имеющих, такую голливудскую сказку, выдержанную в законах жанра. Так вот, он меня делал первым. Помню, того же «Незнайку» как только не прикладывали. Чуть ли не матом. А почему? Потому что «мы – нация Достоевского и Толстого, а это – низкий жанр»... Я думаю, если когда-нибудь вскроют мою черепушку, то выяснится, что у меня был какой-нибудь микроинсулт, который я получил на «Незнайке на Луне», на этом безобидном детском фильме. Я приходил на работу в 9 утра, а уходил в 11 ночи. Кстати, те три года я вообще не снимался.

— Я считаю, что звезд у нас нет. Во всяком случае, если судить по гонорарам. И я, как Шура Балаганов, много не прошу. Мне для полного счастья нужно столько, чтобы обеспечить детей, дать им образование, маму порадовать чем-то и себя побаловать. И еще получить возможность сниматься очень избирательно. Но жизнь заставляла идти и тупо зарабатывать деньги. И с этим мое продюсерство тоже связано: я хочу отвечать за картину от «а» до «я». В этой профессии главное – смотреть, учиться, бежать вперед! Потому что

Я думаю, если когда-нибудь вскроют мою черепушку, то выяснится, что у меня был какой-нибудь микроинсулт, который я получил на «Незнайке на Луне»

ла приходится делать, а вот КАК вы будете их делать, зависит только от вас. А что касается работы в кино, то в тот момент я чем дальше, тем больше попадал в плен определенного амшпуа. В кино это, скорее, можно называть психофизическими данными. Вот у меня глубоко посаженные глаза, гориллообразный лоб...

— Вот это да! Все-таки сам человек способен про себя такое наговорить, что злейшему врагу в голову не придет. Скорее, была права его школьная учительница (заядлая театралка), которая, изучив внешность юного Гуськова, вынесла вердикт: «Хорошая фактура». Значение этого слова Алексей узнал, став студентом Школы студии МХАТ.

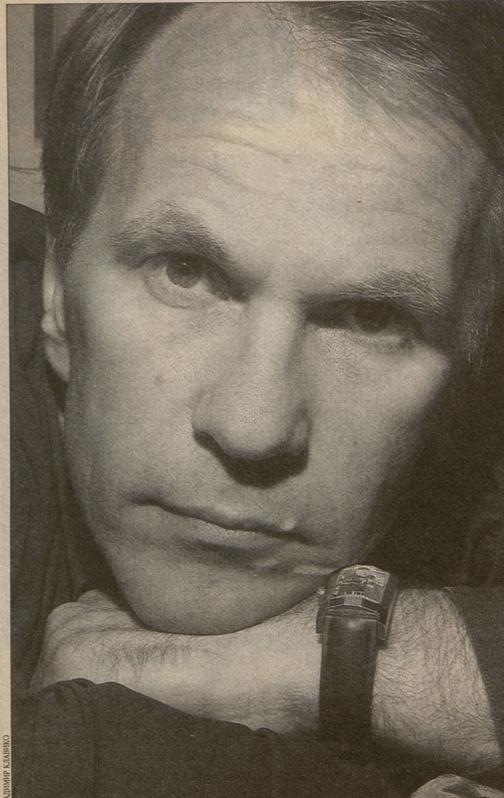
— Началось все с любимого мною «Волкодава», а последней картина в этом ряду, «Золотое дно», меня просто добила. Марек Новицкий, польский режиссер, выпол-

талант и состоит в умении донести замысел до результата. И чем меньше потери на дистанции между ними, тем больше талант человека.

— После «Дороги в рай» была небольшая телевизионная работа «Семья Иванова», затем – сделанная совместно с Александром Миттой и снявшая шумный успех «Граница. Таежный роман», картина «Мусорщик» совместно с Георгием Шенгелия и совсем новая – «Раскаленная суббота» снова с Миттой. Алексей Гуськов является также продюсером первой части телесериала «Воронка», где главную роль сыграла его жена Лидия Вележева.

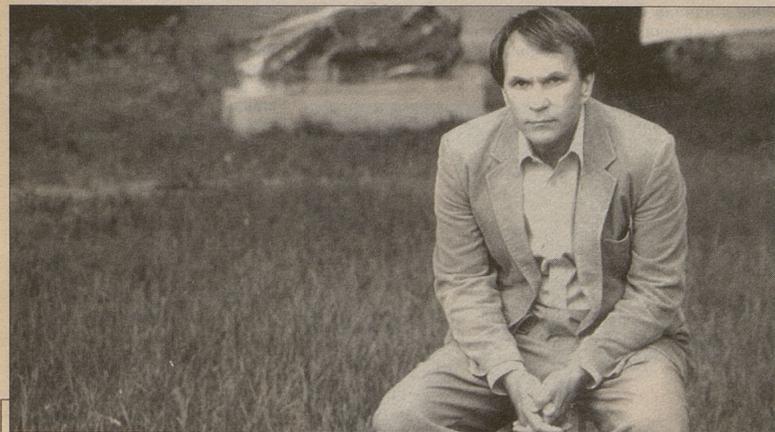
— Вас считают роковым мужчиной, а вашу жену Лидию – женщиной-вамп. Насколько все это соответствует истине, и как вам живется в браке?

— Уверю вас, наши образы с нами не соприкасаются. Лидя на самом деле человек

Лидия Вележева и Алексей Гуськов – одна из самых красивых кинопар

Злодей большого экрана

«Мне иногда хочется спрятаться»

добрый и доверчивый. Ее очень просто разыграть. При этом своем имидже она достаточно беззащитна. Поэтому только тот, кто ее не знает, считает ее женщиной-вамп, а я-то знаю.

— В повседневной жизни вы прибегаете к актерским приемам: включаете блеск глаз и неотразимую улыбку?

— Я это воспринимаю как часть своей профессии. Есть актеры-игрунчики, а я, наоборот, так не могу. Когда я иду по улице весь в своих мыслях и вижу чьи-то пристальные взгляды, то, с одной стороны, это может быть приятно, но с другой – я чувствую неловкость. Мне иногда хочется спрятаться. Мои персонажи существуют всегда отдельно от меня. У академических актеров, которые учили и меня, есть понятие «образ». Мне немного довелось заставить Павла Массальского, но я запомнил его на всю оставшуюся жизнь. Я учился у Евгения Евстигнеева, Киры Голловко, Виктора Манюкова, Ольги Фрид. Эти люди не имели отношения к той породе артистов, которые «приносят» лицо, производят свой ограниченный текст и бегут в другое место. Это те, кто придумывал и вкладывал в свою роль что-то особенное.

— Он приехал из Киева и поступил в МВТУ им. Баумана. Но от жизни, связанной с ракетостроением, очень отвлекла театральная жизнь Москвы. А театралом он стал запойным. После четвертого курса забрал документы и отнес их в МХАТ. Он работал во многих театрах. Сейчас – в труппе Московского драматического театра им. Пушкина. А первое его образование самым прямым образом бросается в глаза: Гуськов и артист интеллектуальный, и продюсер серьезный, и человек, в кинематографическую ботому пишущийся с трудом.

— Я и артист, наверное, неправильный. Каждый раз в волнении и тревоге: братья за новую работу или нет, а в театре перед премьерой у меня каждый раз потные ладони. Сейчас в филиале Театра Пушкина выпустили спектакль «Откровенные полароидные снимки». Я играю с совсем молодыми ребятами. Кто-то из них мне сказал: «А мы думали, что вы совсем не волнуетесь, Алексей Геннадьевич». Ну это все равно, что «мертвые не потеют». Я вообще люблю такой театр – с активной позицией, внятными, понятными, где все играют как будто в последний раз. Я люблю эту энергию и не приемию, когда кто-то «шифрует» пустоту и выдает ее за новое слово, оборачивает в некую обертку, как конфету, и говорит: «А я так вижу мир». Если вы никого не задеваете тем, что делаете, если вы просто холодно рассуждаете о чем-то, то это не предмет искусства, тем более театра.

— Один из ваших образов принес вам настоящую славу – Никита Голощекин из фильма «Граница. Таежный роман»...

— Да, такие сценарии приходят раз в десять лет. И это счастье для актера. Произошло это благодаря многим: сценаристу Зое Кудре, режиссеру Александру Митте, продюсерской группе ОРТ, поддержке Госкино. Важно помнить, что один в поле не воин. После «Границы» было очень много откликов. И не только положительных. Я к этому отношусь спокойно: я же не червонец, чтобы всем нравиться. Но в основном авторам фильма задавали один и тот же вопрос: как они могли убить Никиту? Ведь он защищал свою семью, он из тех, на ком земля держится, крепкий мужик, добытчик.

— Я старался внести в эту историю и показать (ведь это 70-е годы) неостребованность советского да и рос-

сийского мужика. Невозможно найти точки опоры, применение своим силам. Отсюда и появились у нас ребята, которые бежали в Афганистан воевать, теперь – в Чечню, и огромное количество охранных агентов... Вот эта неистовость, неумность: если живем, то страстями! «Широк русский человек. Так широк, что я бы его сузил», – написал Достоевский. Но если государственная система не дает возможности проявить себя, разрешиться, то такой человек ищет выход. Он обязательно найдет лазейку и сам добудет все. Вспомните, в 90-е годы вообще все стали бизнесменами...

— Получается, что в новом фильме «Раскаленная суббота» вы с Александром Миттой как раз и исследуете российского мужчину 90-х?

— Да, мы заложили именно это. Два героя – один депутат, второй бизнесмен. Чем занимались до этого? Учили все стали бизнесменами... Кто по профессии? Никто. Это не важно, потому что не востребовано. Депутат, который всегда против. Против чего? Непонятно. Вроде бы все сложилось. Но что-то не так. Потому что время не то. Я шифровал вот это – наше зыбкое время. «Сотрясение умов, ни в чем не твердых», – как сказал Чаадаев. Все политизированы, все коммерциализированы. Все куда-то несутся. Если украли, то доллары. Если доллары, то 12 миллионов. Положил в ящик, который не можешь поднять. А потом выясняется, что в этом ящике – чушки алюминиевые. И среди всего этого – героиня-девочка, которая говорит папе и маме: «Не бросайте меня».

— Как бы ни объяснялось это точное «попадание» – психофизическими данными Алексея Гуськова или трактовкой образов – ясно одно: его герои на экране сегодня – самые актуальные. Мы хотим видеть именно их, мы верим именно им. «Неотра-

зимый злодей» – так написал о нем один из поклонников на сайте в Интернете. И это написал мужчина. Многие не могли спокойно пережить то, что его Никита загрызает волчицу. Тут журналисты Гуськову покоя не дают. А поклонники воспринимают его в целом, по частям не разбирают: «Ведь есть еще такие герои в жизни – мужественные, сильные, самостоятельные и очень-очень надежные. Я хотела бы встретить человека, похожего на вас».

— После «Мусорщика» у меня спрашивали: «Так он киллер или не киллер»? А для меня важно совсем другое. Это первый фильм на всем постсоветском просторстве, где повествование начинается в тот момент, когда герой все плохое уже совершил. И покаялся. Мы застаем его тогда, когда он свои грехи уже отмолил, а к нему приезжают и предлагают совершить новое убийство. И эта история о том, как же он живет теперь, каковы его ценности? А они просты: нужно начинать убирать мусор вокруг себя. Там, где ты живешь. И внутри себя в первую очередь.

— Мы живем сейчас в мире повышенной опасности. Падают самолеты, что-то взрывается, что-то тонет. У вас – трое детей. Если бы сейчас перед вами стоял вопрос: заводить детей или нет? – как бы вы его решили?

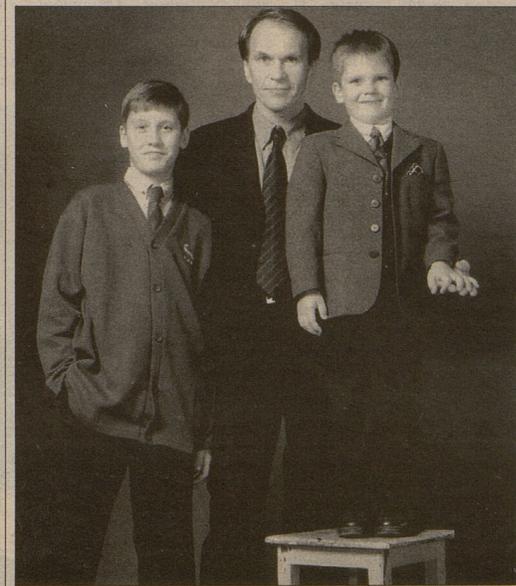
— Это не я детей заводю. Они же не собаки. Их Бог дает. Я люблю женщину. И в результате этой любви рождается новый человек, которого мы любим вместе. Это и есть те долги и обязанности, которые отличают нас от жи-

вотного мира. Мы с женой думаем еще девочку родить. А как же лишать их жизни? Так же и мои родители могли подумать в 58-м году. А время было сложное – Карибский кризис. «Ну-ка в больницу!» Почистили бы маму, и мы бы с вами сейчас не разговаривали...

— Алексей сравнивает себя с закрученной пружиной: работает на одном дыхании. Листая свой еженедельник, приговаривает: «Этот безумный, безумный, безумный мир!» Дела часто гонят его в дорогу, а дома ему комфортнее всего. Чистосердечно признается, что иногда так и делает: говорит, что уехал, а сам скрывается дома – читает, смотрит, выпитывает, к телефону не подходит.

— Сейчас от многого «наотказывался». А если согласиться, то можно сниматься на двух площадках в один день и стричь деньги до бесконечности. Но давно известно, что деньги кончатся, а позор останется. Кредит зрительского доверия зарабатывается трудно, а теряется мгновенно. И дело здесь не в тщеславии. Просто мне хочется, чтобы зритель знал, что если в титрах есть фамилия Гуськов, то халтуры он не увидит. Я не знаю, как надо, но точно знаю, как НЕ надо, как я НЕ хочу. Хотя иногда мне кажется, что я много усложняю, надо проще относиться к некоторым вещам.

— Если я перестану усложнять, то это будет уж не Гуськов Алексей Геннадьевич, а какая-то другая субстанция. А на данный момент я себе нравлюсь таким, какой я есть. Я, мне кажется, сейчас уже научился кое-что делать.

С наследниками Владимиром и Дмитрием